

НАРУШЕНИЕ ПОСТУЛАТОВ ПРИНЦИПА КООПЕРАЦИИ В СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

*Работа представлена кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации
Ставропольского государственного университета.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. В. Гусаренко*

Данная статья является результатом теоретической обработки аутентичного эмпирического материала, полученного в ходе судебных заседаний и получившего теоретическое описание с позиции лингвистической прагматики, а именно принципа кооперации Г. П. Грайса.

The article represents the result of the theoretical processing of the authentic empirical material obtained in the process of court sessions. The material has been theoretically described from the view point of the linguistic pragmatics, and in particular from the view point of the Cooperative Principle of H. Grice.

Оптимальным для нашего исследования мы считаем следующую дефиницию дискурса: дискурс представляет собой речевые произведения, примененные «в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания»¹.

Следование принципу кооперации Г. П. Грайса демонстрирует направлен-

ность говорящего на максимально эффективную передачу информации, а слушающего, соответственно, на ее восприятие. Тогда дискурсивное взаимодействие, по Г. П. Грайсу, представляет собой особую совместную деятельность его участников, объединенных, по крайней мере, общей ближайшей целью или «направлением».

Причем цель или направление могут быть заданы сразу или выявляться в процессе взаимодействия, а конечные цели могут быть сходными или расходиться².

Г. П. Грайс выделяет четыре категории, или максимы, количества, качества, способа и отношения, соотносимые с целями коммуникации. При всей своей институционализированности, как показали исследования, судебно-процессуальный дискурс допускает разного рода отклонения от принципа кооперации. Рассмотрим на конкретном материале, каким образом и при каких обстоятельствах происходят нарушения принципа кооперации в ходе судебного заседания.

I. *Категория количества* – высказывание говорящего должно содержать не меньше, но и не больше информации, чем это требуется для понимания слушающим. Проанализируем случай нарушения постулата количества адвокатом подсудимого:

[1] А д в о к а т. Чего вы ждете: вернуть деньги или строить?

[2] П о т е р п е в ш и й. Вернуть, конечно! Мне все равно, Морозов или Петрова вернут мне деньги!

[3] А д в о к а т. Я не так ставлю вопрос! Я по-другому ставлю вопрос! Вы хотите в кооперативе продолжить строительство или вернуть деньги?

[4] П о т е р п е в ш и й. Я хочу вернуть.

Адвокат подсудимого ставит вопрос [1], в котором нарушает постулат количества. Полная структура вопроса выглядит так: «Чего вы ждете: вернуть деньги или продолжить строить в созданном вкладчиками кооперативе?» Адвокат не предполагал, что ответ [2] выйдет за рамки предмета вопроса. В этом ответе потерпевший еще раз подчеркивает виновность подсудимых, что в невыгодном свете представляет подзащитных. Отсюда встревоженная реакция адвоката [3], нацеленная на предотвращение развития мысли потерпевшего. Адвокат повторно задает вопрос, не допуская

эллиптичности. После получения ответа [4] адвокат резко меняет предмет допроса, тем самым смещая фокус внимания суда.

II. *Категория качества* – коммуникант не должен передавать ложную информацию и сообщать то, в истинности чего не уверен. Для иллюстрации рассмотрим диалог между государственным обвинителем и потерпевшей:

[1] Г о с о б в и н и т е л ь. Кому передавали деньги? Не подсудимой Петровой?

[2] П о т е р п е в ш и й (уверенно). Нет.

[3] Г о с о б в и н и т е л ь. Вы присутствовали при оплате мужем?

[4] П о т е р п е в ш и й. Нет.

[5] Г о с о б в и н и т е л ь (с раздражением). Тогда откуда знаете, что не Петровой?

[6] П о т е р п е в ш и й. Не знаю.

[7] Г о с о б в и н и т е л ь (строго, с раздражением). Так и говорите – «Не знаю»!

Государственный обвинитель строит допрос таким образом, чтобы можно было выявить ненадежные показания: реплика потерпевшей [2] была произнесена с большой уверенностью, тем не менее юрист решает задать проверочный вопрос [3], на который получает логически несогласующийся с предыдущим ответ [4]. Своим речевым поведением допрашиваемая нарушает постулат качества. Таким образом, государственный обвинитель уличает потерпевшую во лжесвидетельстве [5]. Реплика государственного обвинителя [7], кроме демонстрации раздражения тем, что потерпевшая заводит в заблуждение суд, выполняет функцию строгого предупреждения: «Не говорите того, в чем не уверены», т. е. требует соблюдения принципа кооперации.

III. С *категорией отношения* связан постулат релевантности, требующий исключения из высказывания посторонних элементов. Релевантное высказывание должно относиться к единой ситуации, теме и положению дел. Выделяются три случая нерелевантности выражения в определенном

контексте, обусловленной отсутствием контекстного эффекта:

1. Новая информация не связана с уже введенной в определенный контекст. Приведем пример из судебного заседания:

[1] Г о с о б в и н и т е л ь. Как он (*подсудимый*) реагировал? Признал? Не заявлял жалобы?

[2] С в и д е т е л ь. Ну, заявлял, говорил, что «я ее не бил».

[3] П о д с у д и м ы й (*неожиданно, без разрешения судьбы*). Нет, я взял газовый баллончик... Я стал газовым баллончиком прыскать, потому что в первый раз... в целях самообороны...

[4] Г о с о б в и н и т е л ь (*резко обрывает*). Вопросы потом!

В данном фрагменте нерелевантное выражение [3] используется подсудимым намеренно, в прагматических целях: для переключения фокуса внимания, изменения предмета разговора. Государственный обвинитель оперативно реагирует на нарушение процедуры допроса и делает строгое предупреждение подсудимому [4]. Отметим, что в судебно-процессуальном дискурсе использовать нерелевантные выражения с целью изменения предмета разговора, оптимизации процесса имеют право только профессиональные участники процесса.

2. Допущение уже есть в контексте, поэтому оно неинформативно и нерелевантно. К примеру:

[1] Г о с о б в и н и т е л ь. Почему вы не признаете вину, если только что сказали, что хранили ружье дома без разрешения?

[2] П о д с у д и м ы й. Ну, оно мне от деда досталось. Семейная реликвия.

[3] Г о с о б в и н и т е л ь. Дед-то ладно. Вы знаете, что у вас в домовладении находится незарегистрированное оружие, и продолжаете его удерживать, не имея на то разрешения.

Подсудимый, пытаясь ввести в заблуждение суд, уходит от ответа по сути воп-

роса. В реплике [2] он повторяет информацию, уже звучавшую в начале заседания, а значит, неактуальную и нерелевантную на данном этапе.

3. Допущение противоречит контексту, но не может разрушить его, отсюда его нерелевантность. К примеру:

[1] С у д ь я. Как давно знаете Климова?

[2] О б в и н я е м ы й. Ну, виделись, здоровались на дискотеке...

[3] С у д ь я (*строго, повышает голос*). Внимательно слушаем вопрос! Сколько времени вы знаете Климова?

[4] О б в и н я е м ы й. Месяц, два...

Предмет вопроса судьи [1] относится к запросу информации о периоде времени знакомства обвиняемого с подсудимым Климовым. Однако обвиняемый сообщает информацию о месте знакомства, которая не является релевантной и актуальной на данный момент. В свою очередь, судья реагирует на нарушение постулата принципа кооперации репликой [3], выражающей требование отвечать строго по сути вопроса и не вводить суд в заблуждение.

Итак, из вышеизложенного можно сделать вывод, что если коммуникант не стремится ввести адресата в заблуждение и сообщить наименее релевантную информацию, то он выбирает для сообщения определенный набор допущений, оптимальные средства для передачи сообщения и доведения ее до сознания, отфильтровывает стимулы, требующие от адресата максимальных усилий.

IV. Категория способа соотносится с постулатом «Выражайся ясно», требующего четкого, ясного, недвусмысленного и последовательного изложения мысли, манеры речи.

В связи с этим позволим себе критически отнестись к закреплённой в судебно-процессуальном языке стандартной формулировке «В каких отношениях состоите/находитесь с подсудимым/обвиняемым?», обращенной к допрашиваемому. Мы считаем

такую формулировку неудачной, нарушающей постулат способа, поскольку такая постановка вопроса вводит адресата в состояние хезитации (абсолютно все наблюдаемые нами допрашиваемые делали паузу перед ответом). Главная причина хезитации – глагол «состоять», вызывающий у адресата такие первые ассоциации: «состоять в браке, родственных отношениях», тогда как большинство допрашиваемых не являются ни супругами, ни родственниками подсудимого. Употребление глагола «находиться» мы считаем более приемлемым, хотя данный глагол также вызывает состояние хезитации. Нам кажется оптимальной формулировка «Вы знакомы с подсудимым/обвиняемым?». Обычно именно этот вопрос задается следом за вышерассмотренным.

Теперь приведем примеры соблюдения постулата способа в судебно-процессуальном дискурсе. Так, предполагая, что обвиняемый, возможно, не обладает необходимой языковой компетентностью (русский язык не является родным), судья использует тактики, направленные на эффективную кооперацию (судья соблюдает все грайсовские максимы) и избежание коммуникативных срывов. При установлении личности обвиняемого судья намеренно растягивает слова, произносит их четко и не торопясь

(«...Фа-ми-ли-я, и-мя, отчество полностью», «об-ра-зо-ва-ни-е»).

[1] С у д ь я. До ареста работали?

[2] П о д с у д и м ы й. Вообще?

[3] С у д ь я (*более строго и громче*). Непосредственно до момента, не-по-сред-ствен-но до!

[4] П о д с у д и м ы й. Нет.

Нерелевантный контрвопрос подсудимого [2] вынуждает судью использовать более строгий тон голоса. Реакция судьи [3] выражает недовольство тем, что вопрос был понят некорректно. В то же время судья продолжает действовать кооперативно (растягивает слова, повторяет реплику несколько раз). Получив ответ обвиняемого, судья возвращается к нейтральному тону.

Итак, из проведенного анализа можно сделать вывод, что подавляющее количество нарушений принципа кооперации происходит по вине допрашиваемых, в то время как судьи, государственные обвинители и адвокаты, как правило, строят заседание с учетом принципа кооперации. Такое поведение обусловлено тем, что юристы заинтересованы в эффективном, оперативном рассмотрении дела, тогда как допрашиваемые, в особенности обвиняемые и подсудимые, не всегда стремятся к оптимальному сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Проект, 2001. С. 551.

² Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. № 16. С. 217-237.